

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 82.035
DOI 10.18101/2686-7095-2024-4-56-62

«СПОР НЕ ЗАКОНЧЕН, СТРАСТИ КИПЯТ!»

(рецензия на книгу:

Мишкурин Э. Н., Новикова М. Г. *Переводимость — непереводимость: былое и думы...*: монография. Москва: Флинта, 2024. 248 с.)

© Горшкова Вера Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8
gorchkova_v@mail.ru

Аннотация. Исходя из обзора внушительного количества разнообразных и нередко противоречивых точек зрения, содержащихся в трудах переводоведов, авторы рецензируемой монографии представляют целостную теорию апории «переводимости – непереводимости» и обосновывают важность создания объединяющей парадигмы, способной сочетать в себе положительные стороны современных моделей перевода. В качестве таковой предлагается дискурсивно-игровая парадигма перевода, парадоксальность которой находит отражение в «шкале уровней переводимости». Рассуждения авторов строятся на базе разработанного ранее «когнитивно-герменевтического методологического стандарта», представляющего собой четырехступенчатую матрицу, включающую когницию предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения, что дает возможность осуществлять различные виды межъязыкового посредничества.

Ключевые слова: переводимость, непереводимость, герменевтико-переводческий методологический стандарт, дискурсивно-игровая парадигма перевода.

Для цитирования

Горшкова В. Е. «Спор не закончен, страсти кипят!» (рецензия на книгу: Мишкурин Э. Н., Новикова М. Г. *Переводимость — непереводимость: былое и думы...*: монография. Москва: Флинта, 2024. 248 с.) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 4. С. 56–62.

Введение

Научное творчество не имеет границ. Переводоведение как наука не является исключением. Некоторые «вечные» темы подвергаются постоянному пересмотру даже не с точки зрения их критики или неприятия, а с целью научного переосмысления анализируемых положений на новом витке развития науки [4; 5]. К одной из таких тем, в отношении которой не утихают страсти, относится весьма неоднозначная проблема «переводимости – непереводимости», интерес к которой вспыхивает и с завидной регулярностью выплескивается на страницы научных журналов, отражая нередко самые полярные точки зрения [1; 2; 6; 10; 11; и др.].

В. Е. Горшкова. «Спор не закончен, страсти кипят!» (рецензия на книгу: Мишкuroв Э. Н., Новикова М. Г. Переводимость — непереводимость: былое и думы...: монография. Москва: Флинта, 2024. 248 с.)

В подтверждение сказанного достаточно обратиться к обширному списку литературы рецензируемой монографии [9]. Но, пожалуй, впервые после фундаментального труда С. И. Влахова и С. П. Флорина «Непереводимое в переводе» [3], явившего собой яркий образец сочетания теории и практики перевода в интересующем нас ракурсе, мы видим весьма внушительную монографию, в само название которой выведена упомянутая ранее «вечная» проблема, требующая разрешения, хотя сами авторы на это не претендуют и в качестве задачи ставят «не разрешение вопроса, а верную его постановку» [9, с. 14].

Результаты

Собственно проблеме «переводимости — непереводимости» посвящены первые три главы рецензируемой монографии: Глава 1. Энигма «переводимости – непереводимости» в трудах ученых XX–XXI веков; Глава 2. Аргументация *pro et contra* теоретической состоятельности концепции «переводимости – непереводимости»; Глава 3. Апория «переводимости – непереводимости» различных типов текстов и их жанров. В качестве основной стратегии изложения авторы избирают стратегию «массовидного, а не выборочного цитирования», дающего всеобъемлющую картину состояния научной рефлексии по интересующему нас вопросу, избавляя читателя от дополнительного поиска упоминаемых авторами источников информации.

На наш взгляд, особое место в монографии занимает Глава 4 «Когнитивно-герменевтические основы дискурсивно-игровой парадигмы перевода», в которой приводится обоснование важности создания некой объединяющей парадигмы, способной сочетать в себе положительные стороны современных моделей перевода, что позволяет переводоведению перейти из «дисциплины знания» в статус «дисциплины рефлексии» (в терминах французского переводчика и переводоведа Ж.-Р. Ладмирала). В качестве таковой предлагается дискурсивно-игровая парадигма, опирающаяся на положения инновационной когнитивно-герменевтической парадигмы (КГПП), разработанной авторами ранее [8] и определяемой как «системно выстроенная по принципу дополнительной дистрибуции дискурсивная соборность философо-филолого-герменевтических, когнитивно-коммуникативной/когнитивно-прагматической, семиотико-коммуникативной/когнитивно-прагматической, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приемов перевода, а также перепорождения, перелagания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующий ПТ на уровнях контентно-смысловом, функционально-стилистическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, символическо-аллегорическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров» [Там же, с. 166–167]. Методологической базой служит герменевтико-переводческий методологический стандарт (ГПМС) [9, рис. 6, с. 149], представляющий собой четырехступенчатую матрицу, включающую когнитивные предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения. Постулируется, что данные когнитивные «органически тесно связаны, а также процедурно и результативно взаимообусловлены» [Там же, с. 153].

В приведенной матрице *предпонимание* устанавливает «степень осмысления глубин и границ проникновения в ИТ» посредством расширенного трансдисциплинарного анализа ИТ, предшествующего переходу к стадии понимания как более развернутой части переводческого процесса [Там же, с. 150].

Понимание, закладывающее основу иноязычной интерпретации оригинала, направлено на: 1) преодоление неустранимой «когнитивной инаковости и чуждости» между автором и переводчиком, обусловленной системно-структурной, функционально-стилистической, лингвокультурологической и этнопсихолингвистической асимметрией исходного языка, 2) сближение их когнитивных диапазонов, 3) освоение смысла подлинника, расшифровку недосказанных и невыраженных скрытых интенций автора, вживание в суть его “языковых игр” и т. д.

Трактуемая как «архиважная когниция», *интерпретация* позволяет преодолеть «когнитивный диссонанс», понимаемый как иноязычная «заградительная когнитивно-культурная самость» исходного текста, способствует осмыслению на ПЯ его затекста, контекста, подтекста и глубинной концептосферы образно-символической картины мировидения автора. В задачу интерпретации входят выбор переводческой рабочей стратегии и тактики, перебор вариантов перевода закономерных переводческих соответствий, преодоление «когнитивной непереводаемости», а также выбор оптимального варианта в качестве основы принятия итогового переводческого решения «на эквивалентно-адекватное уподобление транслята оригиналу» [Там же, с. 151]. При этом авторы предостерегают от смешения понятий интерпретации в философско-герменевтической трактовке, где она представляет собой завершающий этап феноменологической редукции «интерпретации смыслов», и интерпретации в переводческой деятельности как предшествующей завершающей стадии — «принятия переводческого решения».

В свою очередь, *переводческое решение* предстает как «порождение окончательного результирующего дискурсивно-эквивалентного/адекватного, прагматического или вольного переводного текста, отчуждаемого в сферу читательской рефлексии», и символизирует творческую победу по поводу преодоления чуждости ИТ и презентации ПТ как “иноязычного шедевра” на иноязыке читательской аудитории» [Там же, с. 152].

Действенность применения выстроенной авторами четырехступенчатой матрицы ГПМС весьма аргументированно и изящно доказана, во-первых, на примере преодоления культурологической непереводаемости поэтического текста, удаленного во времени, — начала первой главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (*Мой дядя самых честных правил...*) [Там же, с. 153–166], во-вторых, на материале юридического дискурса, изобилующего лингвокультурными лакунами, не имеющими прямого переводческого соответствия в ПЯ, и требующего адекватного определения вида правоприменения в каждом конкретном случае.

Отдельного внимания заслуживает и весьма познавательная глава 5 «О дополнительной дистрибуции методологий “собственно перевода” и “квазиперевода” в поливариативных дискурсивных концепциях современного переводоведения», в которой Э. Н. Мишкурин и М. Г. Новикова последовательно дают оценку современным «смыслоориентированным/смыслоцентрическим» теориям перевода (Т. М. Дридзе, В. Н. Базылев, Ю. А. Сорокин, А. Г. Минченков, А. В. Смирнов),

В. Е. Горшкова. «Спор не закончен, страсти кипят!» (рецензия на книгу: Мишкурое Э. Н., Новикова М. Г. Переводимость — неперевооимость: былое и думы...: монография. Москва: Флинта, 2024. 248 с.)

дискурсивным теориям перевода (Е. Е. Калиш, Т. А. Волкова) и, наконец, инновационному дискурсивно-игровому направлению в современной теории и методологии перевода, представленному «люоическими теориями перевода», ярким примером которых, по мнению авторов, служит «Люоическая модель перевода: переводчик как EGO играющее ео ipso рискующее» Е. Ю. Куницыной [7].

Что касается оформления текста монографии, здесь Э. Н. Мишкурое (в соавторстве с М. Г. Новиковой) в целом остается верен себе (см. [Мишкурое 2018; Горшкова 2019]) в плане стиля изложения — от легкого «подтрунивания» над позицией некоторых исследователей до острой полемичности и критичности в отношении точек зрения, представляющихся авторам неприемлемыми:

- Именно в феномене «непереводимость» кроется «cracking doom», т. е. переводческий «судный день»! (с. 6).

- Ей как бы шутивно вторит П. Ньюмарк, подтрунивая над всей «переводоведческой и переводческой братией» (с. 10).

- [привычка] некоторых недобросовестных переводчиков избавляться от «изошренности и избытка фантазии» оригинала нехитрым приемом — элементарной выкидкой неудобных фрагментов текстов (с. 20).

- Не делает им чести незнание истинного отношения зрелого В. Гумбольдта к теории и практике перевода... (с. 33).

- Параллельно с этой тенденцией в транслатологии с упорством, достойным лучшего применения, поддерживалась теория «опровержения неперевооимости»... (с. 52).

- Серчая на современников за непонимание и недооценку его концепции, В. В. Сдобников предрекает небывалый успех своей теории... (с. 61).

- Однако следует заметить, что В. В. Сдобникову не следует иронически крушить здание «классического переводоведения» в задоре «революционного нового подхода к переводу»... (с. 62).

- Однако вот незадача! Как нам быть со знаменитыми контроверзами Т. Сэйвори... (с. 95).

- ...даже самый беглый анализ всего разнообразия текстотипов и их жанров с точки зрения «переводимости — неперевооимости» со всей очевидностью доказывает наличие реальных трудностей и исключительной «изворотливости» переводчиков в стремлении преоолеть реальные объективные сложности «перевода (читай — переложения, пересказа, описания и т. п.) неперевооимого» (с. 133).

Подчеркнем в этом плане важную дидактическую составляющую комментариев авторов, направленных на воспитание молодого поколения исследователей:

- В учебном пособии Д. Н. Шлепнева «Теория перевода: введение в ремесло», которое он именует учебником (забывая о том, что такая категория учебной литературы требует от автора очень высокой степени ответственности за каждую строчку в своей работе), в совершенно неприемлемом тоне представляется точка зрения теории «переводимости — неперевооимости». Соответствующий раздел книги саркастически именуется «О неперевооимости: сколько можно?» (с. 47).

- Тенденция подобного пренебрежительного отношения к отличному от собственного мнения особо опасна, если речь заходит о людях, которые воспитывают в вухах молодое поколение исследователей в духе исходной непримиримости и

некритичности к иному научному мнению, приучая студентов к использованию в своих первичных научных трудах неподобающую для научной среды лексику уничижительного характера (с. 47).

Хотя при этом и сами авторы не всегда последовательны в своих рассуждениях. Сравните ряд формулировок:

- В этой связи выскажем *свое парадоксальное предположение*: так называемая «шкала уровней переводимости» «...»которая компенсируется формами так называемого «*вольного / свободного переложения*»«...» (выделено авторами) (с. 173–174).

- Ряд авторов, отрицательно относящихся к феномену непереводимости, прибегает к откровенно негативным формулировкам типа «*так называемая непереводимость*» (выделено авторами)... (с. 181).

- Схожую структурно-концептуальную картину явленности дискурса в переводческом процессе обнаруживаем в рамках так называемой «дискурсивно-коммуникативной модели перевода» (с. 192).

Заключение

Монография Э. Н. Мишкурова и М. Г. Новиковой «Переводимость — непереводимость»: былое и думы...» несомненно интересна в двух аспектах. Во-первых, как представляющая собой всеобъемлющее («массовидное», в терминах авторов) описание целостной теории апории «переводимости — непереводимости», парадоксальность которой находит отражение в «шкале уровней переводимости»: ‘эквивалентность’ как максимальная степень переводимости → ‘адекватность’ как оптимальная степень переводимости → ‘прагматика’ как минимальная степень переводимости → ‘нулевая переводимость’, компенсируемая формами ‘вольного / свободного’ переложения. Проведенный анализ способен служить сегодня своего рода handbook — энциклопедическим, практически исчерпывающим основанием для теоретического анализа проблемы на всех уровнях исследования, от студента и аспиранта до маститого ученого. Во-вторых, весьма значимой и перспективной для переводоведения представляется разработанная авторами «объединяющая» дискурсивно-игровая парадигма, опирающаяся на положения инновационной когнитивно-герменевтической парадигмы (КГПП), сохраняющая в своем составе «‘лингвистические модели перевода’ для покрытия ‘зоны переводимости’ и ‘верности’ оригиналу путем отыскания словарно-контекстных ‘переводческих соответствий’», а для покрытия ‘зоны непереводимого’ использующая когнитивно-герменевтические процедуры интерпретации, обеспечивающие совместимость текста оригинала и текста перевода путем создания соавторского «вторичного текста».

Литература

1. Алексеева М. Л. Проблема непереводимости в философских исследованиях // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 51–61. Текст: непосредственный.
2. Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т. Антиномия переводимости/непереводимости в истории переводческой мысли (к 250-летию со дня рождения Вильгельма фон Гумбольдта) // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2017. № 1. С. 6–14. Текст: непосредственный.
3. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Москва: Р. Валент, 2009. 360 с. Текст: непосредственный.
4. Горшкова В. Е. Теоретики vs эмпирики в переводе: «вечное противостояние» (заметки на полях) // Язык, культура, перевод: материалы III Международной очно-заочной

For citation

Gorshkova V. E. “The Debate Is Not Over, The Passions Are Running High!”. (Review of the Book: Mishkurov E. N., Novikova M. G. Translatability — Untranslatability: Past Days and Thoughts... *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2024; 4: 56–62 (in Russ.).

The review was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.